

ТЕМА НОМЕРА

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1

EDN: SLVADH

Восточный вектор массовых миграций в России в отечественных исследованиях XIX – первой половины XX в.

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А.* Восточный вектор массовых миграций в России в отечественных исследованиях XIX – первой половины XX в. // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 13–28. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1; EDN: SLVADH

For citation: Belyaeva L. A. Eastern vector of mass migrations in Russia in domestic studies of the 19th – first half of the 20th centuries. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 13–28. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1; EDN: SLVADH

Беляева Людмила Александровна¹

Институт философии РАН,
Москва, Россия

bela46@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 614677

Аннотация. В современной России четко обозначился тренд последних десятилетий – движение населения с востока и севера в европейскую центральную и южную части страны. Лица всех возрастов мотивированы на перемещение в регионы, где развитая образовательная и культурная среда, есть перспективы для полноценной социальной жизни семьи, особенно для детей. Разворот миграционных потоков в восточном направлении мог бы постепенно решить проблему перенаселённости мегаполисов европейской части страны. Но, как показывает государственная статистика, процесс оттока населения из восточных регионов пока только затормозился, но не прекратился. Нужны более активные действия для закрепления и привлечения людей на восток страны. В истории России в связи с непрерывным расширением её границ и необходимостью освоения новых территорий происходили стихийные и организованные перемещения больших масс людей, в основном в восточных направлениях. Особенно активизировались эти процессы в XIX в. Сначала как самостоятельное переселение малоземельных крестьян, в середине века как организованное с поддержкой государства. В начале XX в. организованные миграции ускорились в связи с проведением Столыпинской реформы. Только за 4 года (1907–1911) на Восток России переселились 2,6 млн человек. В статье представлены работы российских исследователей XIX – начала XX в., посвященные массовым миграциям населения из Центра России на Восток. Выделены два типа работ. Первые из них знакомят публику с природными, этнографическими, санитарными условиями на новых территориях, изла-

гают историю завоевания и заселения этих мест. В других работах исследуются уже сами миграционные практики с изучением информации о переселенцах, их состава, социально-демографических и других характеристик. Стали применяться опросные методики, фиксирующие причины переселения, оценки новых мест, психологические мотивы переселения. Революционные изменения в России в 1917 г. ускорили миграцию населения. В первые пятнадцать лет после революции эти процессы исследовались довольно активно (О. В. Квиткин, С. Г. Струмилин). С середины 30-х годов изучение миграции свертывается, хотя в этот период происходили интенсивные добровольное и принудительное перемещения жителей страны, самодетельные и организованные миграции. Основной поток мигрантов направлялся из деревни в город, из Центра на Восток, что было связано с ускоренной урбанизацией и индустриализацией страны.

Ключевые слова: отечественные исследования миграций, причины массовых переселений, возвратная миграция

В современной России проблемы депопуляции населения большинства регионов в значительной мере рождаются миграционными процессами, а не только за счёт естественной убыли населения, которая характерна для большинства территорий. Сейчас чётко обозначился тренд последних десятилетий – движение населения с востока и севера в европейскую центральную и южную части страны, прежде всего в регионы с развитой социальной сферой, наличием хорошо оплачиваемых рабочих мест, благоприятными климатическими условиями. Особенно остро эти проблемы стоят в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, где в 2019 г. отрицательный коэффициент миграционного прироста (убыли) на 10 тыс. человек составил соответственно –7 и –13. Лишь в некоторых регионах этих округов зафиксирован положительный коэффициент: в Республике Алтай и Томской области, в Чукотском крае, Бурятии и Приморском крае, т. е. из 21 региона этих округов положительный прирост наблюдался только в пяти [13, с. 91–92]. При этом характерно, что для долговременной невозвратной миграции наиболее важную роль играет социальное развитие региона, наличие развитой образовательной и культурной среды, перспектив для полноценной социальной жизни семьи, особенно для детей. Миграция в отстающие регионы недостаточно устойчива, несмотря на высокие заработки мигрантов.

Накопление негативных последствий выезда с мест постоянного жительства связано с разрушением демографического и трудового потенциалов в удалённых от центра регионах. Между тем этот потенциал создавался десятилетиями и даже столетиями, в советские годы он соответствовал отраслевой структуре экономики, население имело соответствующие компетенции, было адаптировано к суровым природным условиям. Покидание обжитых территорий бывшими советскими гражданами и их потомками негативно сказывается на экономическом и социальном развитии территорий, способствует их обезлюдиванию и угасанию на них активной деятельности. Привлечение внешних мигрантов, в том числе

из Китая, не решает эту проблему, поскольку они не становятся в своем большинстве постоянными жителями, для них эта территория остается чужой, и они отстранённо воспринимают перспективы развития этих регионов.

По мнению специалистов, решение проблемы переселения в восточные и северные регионы требует специально разработанных программ привлечения внутренних мигрантов. Сейчас массовые административные организованные внутренние миграции российского населения ушли в прошлое, сделан упор на стимулировании добровольного, индивидуального переселения в соответствии с Концепцией государственной миграционной политики. Массовые организованные миграции предусматриваются только для внешних мигрантов. Для жителей России обеспечена свобода перемещений в соответствии с Конституцией и Законом «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»¹, чему содействовала отмена прописки и введение уведомительной практики регистрации.

Концепция миграционной политики предусматривает создание фондов стимулирования переселения граждан, развитие социальной и транспортной инфраструктуры, снижение транспортной оторванности удалённых регионов от Центральной России. Итогом реализации Концепции должно было стать приостановление миграционного оттока населения из районов Сибири и Дальнего Востока к 2021 г., а к 2026 г. должен быть обеспечен миграционный приток населения в эти районы страны. Разворот миграционных потоков в восточном направлении мог бы постепенно решить проблему перенаселённости мегаполисов европейской части страны, а также обезлюдения удалённых территорий. Но, как показывает государственная статистика, скорее всего заниженная, этот процесс пока только затормозился, но не прекратился. Всю последнюю четверть XXI в. продолжается отток населения из восточных регионов страны. Очевидно, что для прекращения «оттока» и для дальнейшего «миграционного разворота» необходимо выстраивание социокультурной инфраструктуры территорий, приближение стандартов социальных, медицинских, образовательных услуг к столичным образцам, расширение рынка труда за счёт новых, интеллектуальных профессий, которые будут привлекательны для молодёжи и людей средних возрастов, задерживая их от миграции. Сейчас в тех характеристиках своих регионов, которые респонденты дают в массовых опросах, часто подчеркивается, что здесь красивая природа и отзывчивые люди, но при этом отсутствуют перспективы для личного развития. Не только отдалённость от Центра страны, но и отсутствие местных центров развития и культуры создаёт ощущение периферийности, бесперспективности жизни на этих территориях. Отдельные центры притяжения, такие как Томск, Новосибирск, Красноярск не могут восполнить этот дефицит и изменить настрой молодёжи к переезду в другие регионы.

¹ URL: <http://base.garant.ru/10102748/> (дата обращения: 05.05.2021).

При рассмотрении вопросов миграции в этой части России нужно учесть своеобразие формирования основной части населения восточного региона в течение двух столетий. Эта часть государства длительное время была местом «каторги и ссылки» как в досоветское, так и в советское время, а также местом массовых перемещений, организованных государством. Столыпинская реформа и эвакуация на Восток в годы Великой Отечественной войны, организованные наборы на всероссийские стройки, обеспечивавшие индустриализацию страны, создавали восточный вектор массовых миграций. Все советские годы численность населения этих регионов не сокращалась, а постоянно прибывала. Важной частью вновь прибывающего населения был контингент спецпоселенцев. Советская миграционная политика была преемницей дореволюционной системы, часто осуществляла регулирование миграционных потоков репрессивными методами [14, с. 221–229]. В дореволюционный период добровольные массовые миграции на Восток наблюдались при проведении реформ П. А. Столыпина, когда основным стимулом для переселения было получение земли и помощи при устройстве на новом месте [3]. В современный период такие массовые перемещения невозможны, происходит в основном точечное добровольное переселение, очень незначительное по объему. В связи с этим стоит прислушаться к мнению специалистов, которые говорят о сокращении доли восточных районов России во всем населении азиатского контингента [5], что может иметь негативные глобальные последствия для России.

В связи со сказанным, думаю, будет полезно ознакомиться с опытом, который существовал в истории российских миграций в XIX – начале XX в., получившим отражение в трудах отечественных исследователей этого периода. Возможно, он будет интересен не только с познавательной точки зрения, но и иметь практическое значение.

Массовые миграции населения в отечественных исследованиях XIX века

Важной отличительной особенностью существования России было непрерывное расширение в течение столетий границ государства, освоение новых территорий и перемещение – стихийное и организованное – больших масс людей по пространствам страны. По выражению В. О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [10, с. 20]. Потоки миграции населения меняли свое направление в разные периоды развития России и сейчас в связи изменившейся геополитической ситуацией приняли новый характер.

Решавшиеся властями России задачи расширения территории страны невозможно было осуществить без переселения на новые территории миллионов людей из центральной части страны и хозяйственного

освоения новых владений. Особенно активизировались эти процессы с начала XIX в. При этом власти стремились решать и проблемы аграрного перенаселения Центра, особенно черноземных районов, где крайняя бедность населения вызывалась малоземельем. Но чтобы организовать переселение, необходимо было знать местные условия, включая климат, хозяйство и занятия местного населения, возможности для развития тех или иных производств и труда переселенцев. Эти сведения имели жизненно важное значение для удачного выбора места въезда переселенцев, так как жители степной России более приспособлены жить в подобной же местности на новом месте, занятые рыболовством предпочитали селиться около рек и т. д. Эти факторы старались учесть при определении мест расселения, когда в начале XIX в. началось самостоятельное переселение, а в середине этого века организованное, с поддержкой государства, переселение малоземельных государственных крестьян из Центра России. Потоки переселенцев усилились в 1880-е гг., в результате в 1883–1905 гг. в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток переселились более 1 млн 640 тыс. человек.

Организаторы и руководители переселений были, как правило, и исследователями новых территорий, дававшими самые разнообразные сведения и рекомендации для лучшей организации переселенческих движений. Очень часто ими оказывались официальные лица – губернаторы, чиновники, статистики. Упомянем два таких исследования из длинного ряда вышедших в то время публикаций. Характерный пример такого наиболее раннего исследования – книга губернатора Томской губернии В. Хвостова, вышедшая в 1809 г. [16]. В книге дается описание губернии, характеристика населяющих губернию народов, их верования. Подробно рассказывается о природных условиях, промыслах и занятиях населения всех уездов губернии, излагается история заселения отдельных земель, рассказывается, как идёт экономическое освоение края. При этом автор конкретно описывает, как происходит расселение и обеспечение переселенцев на новых местах в Томской губернии.

Упомянем и другое исследование подобного рода, вышедшее в свет в 1885 г. Его автор – Франц Шперк, врач по образованию, работал на Дальнем Востоке страны и профессионально увлекался географией, этнографией, историей, антропологией и климатологией [17]. В книге излагается история завоевания и заселения Амурского края, приводятся его топография, краткий геологический очерк, гидрография, климат, флора и фауна и этнографические сведения о населении. Подробно описываются жилища, пища, одежда аборигенов и пришлого населения, описываются крестьянские и маньчжурские селения и казачьи станицы. Делаются предупреждения о распространённых в крае болезнях. К такому же типу трудов можно отнести книги «Азиатская Россия», «Атлас Азиатской России», вышедшие в 1914 г., которые были подготовлены по заказу Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Эти исследования имели приклад-

ную направленность – они знакомили публику с новыми российскими территориями и проживающими там народами, позволяли оценить возможности и перспективы переселения в эти местности.

Особо следует остановиться на труде Д. А. Давидова «Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии» [8], поскольку здесь уже ставятся и решаются некоторые методологические вопросы изучения миграции населения. В ней даётся определение понятий – переселение и колонизация. Так, говорится, что переселение – это свободное передвижение оседлого населения из одного в другое место постоянного жительства, без какого-либо активного и планомерного участия государственной власти по отношению к дальнейшей судьбе эмигрирующего элемента. Колонизация – это «свободное передвижение оседлого населения в определённую область в целях государственных, и потому при участии активной и планомерной деятельности государственной власти по отношению и к дальнейшей судьбе населения. Переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной» [8, с. 24].

Но книга Давидова интересна не только этими определениями, по поводу которых будет в течение многих десятилетий дискутировать научная общественность, но и тем, что она посвящена колонизаторской политике Китая в Маньчжурии и Монголии. Осуществление этой политики соседнего государства не было безразлично для России в те далекие времена, да и сейчас весьма поучительно. Давидов подробно рассматривает практику колонизации Китаем Маньчжурии и северо-восточной Монголии, которая предпринималась для укрепления влияния на окраины, издавна политически связанные с китайской империей. Автор изучил деятельность Главного колонизационного бюро Китая, осуществлявшего разные проекты заселения, характеризует размеры переселения, пути движения переселенцев, места выхода основного потока переселенцев. Он подробно описывает принципы колонизационной политики китайского правительства и меры поощрения к переселению, основные районы колонизации и плотность населения в них. Им анализируются различные системы и техники заселения: самовольный захват земель, заселение ссыльными, заселение вольными колонистами, колонии, образуемые акционерными компаниями или торговыми ассоциациями, заселение пограничными караулами и проч. Давидов специально показывает основные занятия населения в колонизационных районах и состояние торговли с Россией. По проанализированным Давидовым данным видно, что колонизационная политика Китая более рациональна, чем политика России на Дальнем Востоке, а торговый баланс между этими районами неизменно складывается для России неблагоприятно.

Несмотря на описательный характер подобного рода исследований, в них проблемы колонизации и переселения тесно увязывались с социально-экономическим развитием края и всей России и помимо познавательного имели и научное значение для решения проблем переселения. Часто в них содержались данные о причинах успешности либо

провале переселенческих мероприятий, определялись сроки, когда переселения можно назвать состоявшимся ввиду укоренения вновь прибывших на новых территориях и т. д.

В связи со спецификой состава переселенцев в Сибирь, среди которых высока доля сосланных в этот край, представляет интерес исследование, которое провёл на весьма специфическом объекте – сосланных в Сибирь преступниках, Е. Н. Анучин. Он был выдающейся личностью и крупным учёным, окончил медицинский факультет Московского университета, работал в статистических органах Тобольской и Самарской губерний, впервые в отечественной науке применил термин «демография» в работе «Значение статистики как науки и Международный статистический конгресс» (1872 г.).

Книга Д. Н. Анучина «Исследование о проценте сосланных в Сибирь» впервые была издана в Тобольске в 1866 г. За эту работу Анучин получил высшую награду Русского географического общества – медаль, а работа была переиздана в 1873 г. в Санкт-Петербурге [2]. Е. Н. Анучин проделал огромную работу, сведя вместе и проанализировав данные о сосланных в Сибирь с 1823 по 1846 г. включительно. Именно с 1823 г. все лица, назначаемые на каторгу, на поселение и на водворение в Сибирь, проходили через Тобольский Приказ, где они записывались в особые книги с указанием пола, возраста, звания, религии, рода преступления, степени наказания и местности, из которой они прибыли. Анучин проанализировал состав сосланных по видам преступлений и показал, что главную массу составляют разного рода бродяги, беглые крестьяне, военные дезертиры и т. п. Одна треть сосланных совершили преступления против собственности, а в их числе $4/5$ – мелкие мошенники и обыкновенные воры. Лишь $1/11$ часть сосланных объединяет тех, кто совершили преступления против жизни и здоровья. Анучин рассмотрел в динамике состав сосланных по всем вышеуказанным признакам и, отдавая должное методам А. Кетле, проанализировал зависимость тех или иных видов преступлений от возраста, пола, звания, религии, давая обоснованные выводы относительно выявленных зависимостей. В частности, он определил, что преступления, совершаемые лицами дворянского звания в процентном отношении к числу дворян, значительно превышают такие же пропорции в других сословиях. Так, по вероятности сделаться государственным преступником дворянство превосходит солдат в 19 раз, мещан в 30,5 раза, крестьян в 122 раза. После воровства, которое стоит на первом месте во всех сословиях, второе место у дворян занимает подделка документов и государственные преступления.

В эти годы замечательное исследование проблем переселения крестьян в Сибирь осуществил И. А. Гурвич [7]. Разработанная им методика включала применение разнообразных инструментов – разного типа опросов (лично Гурвичем было опрошено 1200 семей, или 7400 душ), анализ статистических данных, документов, метод изучения биографий. Эти методы и сейчас входят в арсенал социологических исследований. Были раскрыты экономические причины переселения крестьян в Сибирь,

показано, как происходило устройство крестьян на новом месте (этой проблеме посвящено несколько глав труда). Картину дополняет живописный рассказ одного пермского крестьянина (история одной семьи), записанный И. А. Гурвичем. Сформулированные выводы имели широкое социальное значение, поскольку они касались положения крестьянства в Центре России после реформы 1861 г., которая не решила многих проблем наделения крестьян землей, и это вызвало усиление перемещения крестьян на Восток. Гурвич пишет: бывали в нашей истории такие особенные периоды политического и общественного нестроения, когда это обычное движение принимало как бы эпидемический характер, и «подлого звания людишки», по летописному выражению, «брели розно» [7, с. I–II]. Гурвич анализирует состав переселенцев по зажиточности, показывая, что в нём преобладают крестьяне со средним достатком. Им были выявлены экономические причины переселения крестьян в зависимости от места их прежнего жительства. Он доказывает, что причины для выходцев из центральных районов – малоземелье, а вот жителями зауральской части Пермской и Оренбургской губерний движет дух предпринимательства. Об этих переселенцах Гурвич пишет, что «места они стремятся выбирать такие, где ранее их никто еще не занимался земледелием, где, стало быть, для земледельца открыт еще полный, ничем не ограниченный простор» [7, с. 59]. Характерно, что Гурвич не ограничивается изучением социально-экономических причин переселений, но и изучает психологические мотивы переселения, включая специальный пункт в Программу обследования.

В приложении к своему труду Гурвич публикует Программу для исследования крестьянских переселений в Сибирь из 97 вопросов, объединенных в 5 разделов: 1. Быт переселенцев до выселения; 2. Выход из поселения; 3. Путешествие; 4. Положение переселенцев в местах водворения; 5. Старые колонии. Программа вызвала живой интерес у исследователей внутренней миграции в России.

Исследования начала XX века

В начале XX в. интенсивность переселений в России нарастала. Стали появляться работы, обобщающие опыт переселенческого движения за многие годы. Такое исследование опубликовал в 1912 г. И. Л. Ямзин [18]. Он проанализировал миграционные процессы за большой период – с момента освобождения крестьян до 1912 г. Ямзин использовал многочисленные материалы статистического характера, данные Переселенческого комитета, земские исследования, материалы регистрации переселенцев в Челябинске, материалы двух экспедиций, проведенных для исследования кочевого хозяйства в Средней Азии (статистиков Щербины и Кузнецова). В книге даётся периодизация переселенческого движения: первый период – до начала работы Комитета Сибирской железной дороги, занимавшегося переселением, т. е. до

1893 г. Второй период – это время после его учреждения. Комитет просуществовал до 1904 г. и усиленно занимался переселением крестьян для освоения прилегающих к дороге местностей. Кроме того, он защищал самостоятельных переселенцев, в частности, выступил против предложения министра внутренних дел И. Н. Дурново о насильственном их возвращении. При содействии Комитета переселенцы наделялись по определенным нормам землей, обеспечивались кредитами, материальной помощью на переезд и обзаведение хозяйством. За время существования Комитета в Сибирь переселилось около полутора млн человек. В книге анализируются также переселения на Алтай, на Кавказ и Приамурье. Как пишет Ямзин, в отличие от Сибири колонизация Дальнего Востока и Кавказа была менее успешной.

Ямзин обстоятельно изучает причины переселения, отмечая среди главнейших малоземелье и большие крестьянские семьи. Останавливается он и на последствиях переселения в местах выхода крестьян. Переселенцу после указа 9 ноября 1906 г., разрешившего отчуждение надельной земли, стало выгодно продать свою землю, и большинство переселенцев предпочли это сделать. В местах выхода крестьян во многих случаях наблюдается сокращение лиц работоспособного населения, особенно мужского пола.

Обсуждая уровень благосостояния переселенцев на новых местах, Ямзин на фактических данных показывает, что он напрямую зависит от срока жизни на новом месте. Исследователь посчитал, что в среднем десять лет достаточно, чтобы переселенческое хозяйство вдвое превысило уровень жизни на месте исхода.

Несмотря на содействие в обустройстве на новом месте часть переселенцев предпочитала возвращаться. В разные годы от 2,2 (1894 г.) до 46,2% (1911 г.) от общего числа переселенцев возвращались в места исхода. Опрос возвращенцев из Сибири показал, что на первом месте среди причин возврата считаются неподходящие естественные условия – 27,2%. Вторая причина – недостаток рабочих сил или средств в пути и на устройство хозяйства – 23,3%. Третья причина – отсутствие разрешения на переселение – 21,4%. Остальная доля падает на прочие причины. Тем не менее только за 1907–1911 гг. на восток России переселились 2,6 млн человек.

Серьезную проблему успеха переселенческого движения – земельную политику в колониях – обсуждает в своей книге Г. Гинс «Переселение и колонизация» [6]. Называя земельную политику «фундаментом колонизации», Гинс останавливается на следующих проблемах: как, на каких условиях обеспечить землю местное, в частности, туземное население; на каких основаниях передавать землю колонистам; какое право на землю передавать колонистам, а какие права сохранять за государством; какие формы земельного оборота пригодны для колоний. Анализируя опыт других стран мира, в частности США и Австралии, Гинс рассматривает разные способы решения земельного вопроса: недостатки и преимущества даровой раздачи земли и продажи за низкую цену

(США), за высокую цену (Австралия), долгосрочной аренды (Голландия) и другие способы. Гинс пишет, что этот опыт нужно изучать и использовать в России при колонизации Дальнего Востока и Средней Азии.

Ставит Гинс и такой вопрос: какими способами привлечь в Сибирь на вновь осваиваемые земли капитал, как ускорить появление крупных капиталистических хозяйств. По его мнению, один из главных способов – введение собственности на землю. Он пишет: «Возможность покупать земли – это первое могучее средство привлечь денежные элементы. Начнется, конечно, спекуляция землей, против которой, быть может, следовало бы принять некоторые меры, но главным последствием введения собственности на землю будет постепенное образование более крупных хозяйств с интенсивной обработкой земли. Вслед за тем явится скопление денежных средств в руках более предприимчивых и удачных хозяев. Одновременно пойдет неизбежный и необходимый процесс обезземеления части населения и образования класса сельскохозяйственных рабочих... Осторожность требует введения её (собственности на землю, – Л. Б.) постепенно, с некоторыми ограничениями, так как слишком резкий переход от одной правовой системы к другой, хотя бы и более прогрессивной, является действием, ломающим психологию и привычки быта» [6, с. 23]. Звучит актуально и сейчас.

Революционные изменения в России в 1917 г. ускорили миграцию населения по территории страны. В первые пятнадцать лет после революции эти процессы исследовались довольно активно. При этом прослеживается преемственность исследовательских подходов, существовавших до революции. В 1922 г. был создан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт, преобразованный в 1926 г. в Государственный научно-исследовательский институт землеустройства и переселения. Институт провёл ряд исследований в Сибири, на Урале, других районах. Но просуществовал он недолго – всего 8 лет, и был расформирован в 1930 г.

Большую информацию о миграционных процессах дала перепись населения 1926 г., включавшая вопросы о пространственных перемещениях населения. По её данным, в территориальных перемещениях принял участие каждый четвертый житель России. По сравнению с 1897 г. (годом первой переписи) интенсивность этого процесса значительно усилилась.

Исследования 1920-х годов обнаруживали новые тенденции в миграционных процессах – большой приток населения в города, в том числе и рост числа городов на востоке страны. На это первым обратил внимание О. В. Квиткин [9, с. 15]. В эти же годы проблемы миграции исследует С. Г. Струмилин, связывая её с перераспределением трудовых ресурсов между городом и селом, между отраслями народного хозяйства. Струмилин анализирует экономические причины и последствия миграции – её связь с уровнем цен, оплатой труда, ёмкостью потребительского рынка.

С середины 1930-х годов изучение проблем миграции свёртывается, хотя в этот период происходили интенсивные добровольное и принудительное перемещение жителей страны, самодеятельные и организованные миграции. Основной поток миграции направлялся из деревни в город, из Центра на Восток, что связано с ускоренной урбанизацией и индустриализацией народного хозяйства.

Только спустя несколько десятилетий этот период миграций был проанализирован, в частности, В. М. Моисеенко [11]. Он провёл анализ миграционного прироста в городах СССР в 1928–1935 гг. и показал, что максимальный прирост падает на 1931 г., когда он составил 4 100 тыс. человек, а минимальный произошел в 1933 г. – 772 тыс. человек. Сильное влияние на сокращение притока в города – за два года почти в 6 раз – оказали меры по государственному регулированию движения населения. Так, в 1932 г. была введена единая паспортная система и обязательная прописка по месту жительства. Они были обязательны только для жителей городов, рабочих посёлков и новостроек. Этими мерами передвижение сельского населения ставилось под контроль государства. Практически в это же время – с 1931 г. вводится организованный набор рабочей силы для промышленности и строительства, в том числе на восточные территории страны. За девять предвоенных лет путем оргнабора было перераспределено около 29 млн человек, основную часть которых составляли сельские жители [15, с. 182].

Трудно обойти вниманием вопрос о тех, кто был переселён в восточные регионы страны насильственно, подвергшись репрессиям со стороны властей в первые десятилетия советской власти. Общая численность таких людей не известна, оценки разнятся, поскольку отсутствуют достоверные данные. Но некоторый свет на масштаб этих переселений и вызванных ими смертей проливает Всесоюзная перепись населения 1937 г.

Она задумывалась как демонстрация результатов социалистического строительства и успехов страны в увеличении численности населения и роста его образовательного и культурного уровня. Перепись была проведена 6 января 1937 г., её предварительные итоги, спустя только 10 дней после проведения, были представлены руководству страны, в том числе Сталину, объявлены «вредительскими», а ответственные за её проведение работники и многие рядовые исполнители были арестованы и репрессированы. Организация переписи проводилась под прессингом руководящих органов и лично Сталина, заранее провозгласившего успехи Советской страны в повышении рождаемости, увеличении общей численности населения, росте численности рабочего класса и городского населения, в повышении грамотности и образовательного уровня жителей, всеобщего атеизма. Сталин редактировал анкету, по которой проводилась перепись, вносил такие коррективы, которые затушёвывали острые проблемы социально-экономического развития общества и в значительной степени упрощали и примитивизировали переписной лист. В частности, анкета в конечной редакции была утверждена в таком виде, что завышались данные об уровне образования в угоду мнениям руководителей

государства, желавшим показать достижения советского периода в повышении культурного уровня населения; упрощались сведения о миграционных процессах, чтобы скрыть депортацию неугодных лиц. Были и другие упрощения и «исправления» анкеты, которые снижали информационную ценность переписи для характеристики социальной структуры общества, миграционных и демографических процессов. История подготовки переписи рассматривается в некоторых публикациях [4].

По окончании переписи её материалы обнародованы не были, но теперь мы знаем, что она учла 162 млн человек, включая контингенты Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и НКВД. Последние переписывались с учётом заключённых, которые были учтены, как тогда говорилось, в особом порядке. При предыдущей переписи 1926 г. в общем порядке было переписано 146 млн 413,6 тыс. человек и в особом порядке всего – 614,6 тыс. человек. За десять лет – к 1937 г. доля переписанных в особом порядке возросла больше чем в 7 раз (с 0,4% населения в 1926 г. до 3,1% в 1937 г.). Общее число учтенных заключенных, спецпоселенцев и прочих составило 2 млн 390 тыс. человек [1, с. 27–28]. Материалы переписи не были подвергнуты статистической обработке, не публиковались и были засекречены на несколько десятилетий¹. Сейчас, сопоставив данные о заключённых и переселенцах советского периода и результаты добровольного переселения в результате реформ Столыпина, можно сказать, что количественно они сопоставимы, но с точки зрения гуманности и экономической целесообразности это полярные стратегии привлечения населения на восточные территории страны.

Вместо заключения

С 1960-х годов начала восстанавливаться прерванная традиция изучения проблем миграций населения восточных регионов страны. Большую роль в этом сыграло образование Сибирского отделения АН СССР, в котором сложилось несколько научных школ, в том числе по этой проблеме. Основным направлением работы школы было развитие теории миграции и её социологическое изучение. Исследования проводились преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке. Лидер школы Виктор Иванович Переведенцев опубликовал в 1965 г. монографию «Современная миграция населения Западной Сибири» [12], в которой рассматривается история заселения Западной Сибири выходцами из различных районов России. Было показано, что в течение 1926–1963 гг. происходило неравно-

¹ Лишь в последние десятилетия молчание вокруг переписи 1937 г. было нарушено, а на исходе 1980-х годов стало известно о том, что материалы переписи хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). В начале 1990-х годов материалы переписи были опубликованы сотрудниками Института российской истории РАН отдельным изданием, очень ограниченным тиражом и стали библиографической редкостью. Из всего массива данных переписи обнаружено лишь несколько десятков таблиц, большая часть данных переписи была утрачена, в том числе по различным регионам страны // Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.

мерное распределение населения по отдельным областям. Рост населения Кемеровской области (более чем в 2 раза) сопровождался сокращением населения в Алтайском крае. Уже в 1960-е годы в Западной Сибири сложился недостаток трудовых ресурсов из-за того, что организованный поток мигрантов в область был ниже, чем неорганизованный отток из этого района. Недостаток рабочей силы остро ощущался в сельском хозяйстве, из-за чего потенциальные возможности земли в Западной Сибири сильно недоиспользовались. В этом исследовании были глубоко раскрыты причины миграции и территориального перераспределения населения. Основную причину составлял комплекс жизненных условий – оплата труда, жилищные условия, медицинское и культурное обслуживание и т. д.

* * *

Краткий очерк восточного дрейфа миграционных потоков в России в XIX – первой половине XX в., отражённый в публикациях этнографов, социологов, статистиков, которые стали предметом рассмотрения в статье, показывает, что эта проблема была отмечена глубоким интересом дореволюционных ученых и практиков, привлекала к себе внимание и в первые годы советской власти. Решение современных проблем сохранения и прироста человеческого капитала восточных территорий также требует комплексного междисциплинарного анализа.

Библиографический список

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.
2. Анучин Е. Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. СПб.: тип. Майкова, 1873. 508 с.
3. Беляева Л. А. Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития // Вестник Института социологии. 2021. № 3. С. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736.
4. Волков А. Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы / Экспресс-информация. Серия История статистики. 1990. Вып. 3-5 (часть II). С. 6–63.
5. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
6. Гинс Г. «Переселение и колонизация». Вып. I, II. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 142 с.
7. Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М.: Типография Левенсона, 1888. 103 с.

8. Давидов Д. А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии. Владивосток: Вост. ин-т, 1911. 187 с.
9. Квиткин О. В. Первые итоги переписи 1926 г. // Статистическое обозрение. 1927. № 1. Январь. С. 13–19.
10. Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть I. Лекция II. М.: ГСЭИ, 1937. 395 с.
11. Моисеенко В. М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. М.: Мысль, 1985. 120 с.
12. Переведенцев В. И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: ЗСКИ, 1965. 94 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.
14. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука. 1987. 200 с.
15. Сонин М. Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М.: Госпланиздат, 1959. 345 с.
16. Хвостов В. О Томской губернии и о населении большой сибирской дороги, до иркутской границы. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1809. 197 с.
17. Шперк Ф. Россия Дальнего Востока. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1885. 503 с.
18. Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1912. 198 с.

Получено редакцией: 12.12.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, и.о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1

EDN: SLVADH

Eastern Vector of Mass Migrations in Russia in Domestic Studies of the 19th – First Half of the 20th Centuries

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. Eastern vector of mass migrations in Russia in domestic studies of the 19th – first half of the 20th centuries. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 13–28. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1; EDN: SLVADH

Abstract. Modern Russia clearly demonstrates the trend of recent decades – the movement of the population from

the East and North to the European Central and Southern part of the country. The main reasons for relocation to these regions are the developed social and socio-cultural infrastructure, employment and professional opportunities that would allow families to lead a full life. An eastward turn of migration flows could gradually solve the problem of overpopulation in the megacities of the European part of the country. But, as statistics show, the process of outflow of the population from the eastern regions has only slowed down so far, but has not stopped. In the history of Russia there were various spontaneous and organised movements of large masses of people, mainly in eastern directions, in connection with the continuous expansion of its borders and the need to develop new territories. These processes became especially active in the 19th century. First, as an independent resettlement of peasants with small allotments, later in the middle of the century with the state support. At the beginning of the 20th century organised migration accelerated in connection with the implementation of the Stolypin reforms. In just four years (1907–1911), 2.6 mln people moved to the East of Russia. The article presents the works of Russian researchers of the 19th – early 20th centuries, dedicated to mass migrations of the population from the Center of Russia to the East. The works can be organised in two groups. One group introduces the public to the natural, ethnographic, and sanitary conditions in the new territories, and tells the history of the conquest and settlement in these places. In other works, migration practices themselves are studied, with the study of information about migrants, their composition, socio-demographic and other characteristics. Questioning methods were used, tracing the reasons for resettlement, assessments of new places, psychological motives for resettlement. The revolutionary changes in Russia in 1917 accelerated the migration of the population. In the first fifteen years after the revolution, these processes were studied quite actively (O. V. Kvitkin, S. G. Strumilin). Since the mid-1930s, the study of migration has been curtailed, although this was a period of intensive voluntary and forced displacement of the country's inhabitants, amateur and organised migrations. The main flow of migrants was directed from the village to the city, from the Center to the East, that was associated with the accelerated urbanisation and industrialisation of the country.

Keywords: domestic studies of migration, causes of mass migrations, return migration

References

1. Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkova T. L. *Naseleniye Sovetskogo Soyuz: 1922–1991* [The population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow, Nauka, 1993: 143 (in Russ.).
2. Anuchin E. N. *Issledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 godov* [Studies on the percentage of exiled to Siberia in the period 1827–1846]. St. Petersburg, tip. Maykova, 1873: 508 (in Russ.).
3. Belyaeva L. A. Civilizational heterogeneity of Russia. Property in the field of civilizational development. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 3: 27–53 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736.
4. Volkov A. G. *Perepis', naseleniya SSSR 1937 goda: vymysly i pravda* [Census, the population of the USSR of 1937: Fictions and truth]. In *Perepis' naseleniya 1937 goda: Istoriya i materialy*. Ekspress-informatsiya. Ser. "Istoriya statistiki" [Census of the population of 1937: history and materials. Express information. Ser. "History of statistics"]. Moscow, 1990: 6–63 (in Russ.).
5. Vorobyova O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. *Migration policy of Russia: history and modernity*. Moscow, Econ-inform, 2016: 192 (in Russ.).
6. Gins G. «Pereseleniye i kolonizatsiya» [“Migration and colonization”]. Iss. I, II. St. Petersburg, tip. F. Vaysberga i P. Gershunina, 1913: 142 (in Russ.).
7. Gurvich I. A. *Pereseleniye krest'yan v Sibir'* [The relocation of peasants to Siberia]. Moscow, tip. Levensona, 1888: 103 (in Russ.).
8. Davidov D. A. *Kolonizatsiya Man'chzhurii i Severo-Vostochnoy Mongolii* [Colonization of Manchuria and North-East Mongolia]. Vladivostok, Vost. In-t, 1911: 187 (in Russ.).
9. Kvitkin O. V. *Pervyye itogi perepisi 1926 g.* [The first results of the 1926]. *Statisticheskoye obozreniye*, 1927: 1: January: 13–19 (in Russ.).
10. Klyuchevsky V. O. *Kurs russkoy istorii. Chast' I. Lektsiya II* [The course of Russian history. Part I. Lecture II]. Moscow, IGSEI, 1937: 395 (in Russ.).
11. Moiseenko V. M. *Territorial'noye dvizheniye naseleniya. Kharakteristika i problemy upravleniya* [Territorial movement of the population. Characteristic and management problems]. Moscow, Mysl', 1985: 120 (in Russ.).
12. Peresvedentsev V. I. *Sovremennaya migratsiya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Modern migration of the population of Western Siberia]. Novosibirsk, ZSKI, 1965: 94 (in Russ.).
13. *The regions of Russia. Socio-economic indicators-2020*. Moscow, Rosstat, 2020: 1242 (in Russ.).

14. Rybakovsky L. L. Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika [Migration of the population: forecasts, factors, politics]. Moscow, Nauka, 1987: 200 (in Russ.).
15. Sonin M. Ya. Vosproizvodstvo rabochey sily v SSSR i balans truda [The reproduction of labor in the USSR and the balance of labor]. Moscow, Gosplanizdat, 1959: 345 (in Russ.).
16. Khvostov V. Tomskoy gubernii i o naselenii bol'shoy sibirskoy dorogi, do irkutskoy granitsy [About the Tomsk province and about the population of the Big Siberian Road, to the Irkutsk border]. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1809: 197 (in Russ.).
17. Shperk F. Rossiya Dal'nego Vostoka [Russia of the Far East]. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1885: 503 (in Russ.).
18. Yamzin I. L. Pereselencheskoye dvizheniye v Rossii [The resettlement movement in Russia]. Kyiv, Tip. Un-ta sv. Vladimira, 1912: 198 (in Russ.).

The article was submitted on: December 12, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Belyaeva, Doctor of Sociological Sciences, Acting Head of the Center for the Study of social and cultural changes, Institute of Philosophy RAS